

А. В. Кравченко^{ab}

ORCID: 0000-0003-4899-0106

✉ artemioskravchenko@gmail.com

^a *Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, Москва)*

^b *Московская высшая школа
социальных и экономических наук (Россия, Москва)*

«А ПОТОМ ЗАБЫЛОСЯ»: ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАБВЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В С. КРАСНОВО

Аннотация. В статье рассматривается один эпизод, связанный с памятованием в позднесоветское время о событиях Западно-Сибирского крестьянского восстания. В центре внимания автора находятся участники событий Гражданской войны в с. Красново (Тюменская область) и их потомки. Рассмотренный кейс позволяет продемонстрировать ряд причин, обусловивших забвение локальных событий Гражданской войны, не только тех, которые не укладывались в господствовавшие общенациональные рамки памяти, но и о тех, что им соответствовали. Автор выдвигает гипотезу, что включение событий Гражданской войны в советский миф основания уже в 1920-е годы могло препятствовать сохранению коммуникативной памяти о них. Обосновывающая история, возникшая на базе событий недавнего революционного прошлого, сделала не существенной и глубоко второстепенной коммуникативную память и способствовала забвению деталей просто потому, что они оказывались не важны для объяснения настоящего в существовавших рамках памяти.

Ключевые слова: забвение, Западно-Сибирское восстание, память о Гражданской войне, крестьянские восстания, коммуникативная память, культурная память, крестьянские коммуны, политика памяти

Благодарности. Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

Для цитирования: Кравченко А. В. «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий Гражданской войны в с. Красново // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 99–116. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-99-116>.

*Статья поступила в редакцию 12 октября 2020 г.
Принято к печати 22 ноября 2020 г.*

A. V. Kravchenko^{ab}

ORCID: 0000-0003-4899-0106

✉ artemioskravchenko@gmail.com

^a Institute of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

^b Moscow School of Social and Economic Sciences
(Russia, Moscow)

“AND THEN IT WAS FORGOTTEN”: THE PREREQUISITES FOR OBLIVION OF CIVIL WAR LOCAL EVENTS IN KRASNOVO VILLAGE

Abstract. The paper discusses one episode of remembering in the late Soviet era the events of the West Siberian peasant uprising. The author focuses on the participants of Civil War events in the village of Krasnovo (Tyumen region) and on their descendants. The paper relies on both archival sources and oral interviews. The case allows us to demonstrate a number of reasons for oblivion of local events of the Civil War. This was the case not only with those local events that did not fit into the prevailing national framework of memory, but also those that fit within it. The author hypothesizes that the fact of inclusion of events of the Civil War in the Soviet foundation myth already in the 1920s interfered with the preservation of communicative memory of local events. The justifying history that emerged from the events of the recent revolutionary past made communicative memory unimportant and contributed to the forgetting of details, because such details were not important and not essential to explain the present within the existing framework of memory. At the same time, local details could seem dangerously discharging to the local rural community. In such conditions, paradoxically, the mechanisms of forgetting were activated both by local consensus and by the conditions of the national framework of memory.

Keywords: oblivion, West Siberian uprising, memory of the Russian Civil War, peasant uprisings, communicative memory, cultural memory, peasant communes, politics of memory

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant no. 19-78-10076.

To cite this article: Kravchenko, A. V. (2021). “And then it was forgotten”: The prerequisites for oblivion of Civil War local events in Krasnovo village. *Shagi / Steps*, 7(1), 99–116. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-99-116>.

Received October 12, 2020

Accepted November 22, 2020

© A. V. KRAVCHENKO

Борьба Петра Белослудцева

В фокусе внимания настоящей статьи — эпизод, связанный с эпистолярной активностью Петра Андреевича Белослудцева, 1935 г. р., отставного военного, члена КПСС, проживавшего на момент описываемых событий (1975–1977 гг.) в Омске [ГАСПИТО: Л. 1–2, 15]. При этом ни карьера П. А. Белослудцева, ни место его жительства не сыграли, вероятно, в этих событиях определяющей роли. Более важен другой факт: он приходился внуком человеку, которого считал основателем первой коммуны в одном из сельских поселений Тюменской области. Речь идет о селе Красново. Во время Гражданской войны оно относилось к Красновской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии (после 1919 г. — Тюменской), сегодня входит в состав Исетского района Тюменской области¹. В 1975 г. Белослудцев во время отпуска приехал на малую родину своих деда и матери, после чего начал активную переписку с тюменскими партийными инстанциями, включая партийный архив области. Обращаясь от лица целой группы родственников («мы»), он стал добиваться увековечивания памяти своего деда как основателя коммуны «Красная звезда», предлагая установить ему в селе мемориальную доску. В первом письме Белослудцев многократно повторяет, сколь важно для него установить правду о его деде:

Дело в том, что мой дед Коробицын Николай Андреевич — коммунист организатор первой коммуны в 1919 году в деревне Красново. Это мне рассказывает моя мать — дочь Коробицына Николая Андреевича. Вот я хочу знать всю правду про моего деда [Там же: Л. 2]².

Заканчивая первое письмо, Белослудцев суммирует:

Мы родственники будем вам очень благодарны, если вы нам можете восстановить правду через 50 с лишним лет. И напишите пожалуйста, что дает право на открытие мемориальной доски [Там же].

На первый взгляд эта история кажется вполне обычной: мы имеем дело с попыткой восстановления родословной, с апелляцией к памяти, которая кажется социально одобряемой и престижной в обществе, наконец — со стремлением обрести публичное признание (через памятную табличку). В то же время этот кейс легко обнаруживает и несколько специфических аспектов памяти о событиях времен Гражданской войны и их забвения, в которых можно увидеть проявление тенденций, существовавших в советском обществе того времени.

Прежде всего из текста письма ясно, что явный приоритет для П. А. Белослудцева — добиться установления его деду мемориальной доски, а вовсе не получить какие-то более подробные данные о его жизни. Он повторял на разные лады: «Мы огорчены тем, что памятник стоит другому товарищу, а не мо-

¹ В настоящее время с. Красново является центром муниципального образования Красново-ское сельское поселение.

² Здесь и далее орфография и пунктуация письменных источников сохраняется.

ему деду», тогда как его родственники, которые «помнят, сколько было горя и страданий при организации коммуны», «хотели бы увековечить память в этой деревне, поставив ему мемориальную доску»; иногда он даже делает акцент на «праве на открытие мемориальной доски» [Там же: Л. 1–2].

Партийный архив и другие инстанции начали собирать материалы, касающиеся запроса Белослудцева, и совершенно ничего не нашли о Николае Андреевиче Коробицыне, только о его однофамильце — Андрее Михайловиче Коробицыне³. Сообщая это, заведующая партархивом Тюменского обкома КПСС М. Никифорова указывает: «Данных о Коробицыне Н. А. не имеется. Просим сообщить, не ошиблись ли Вы, назвав деда Николаем Андреевичем» [Там же: Л. 8]. В очередном письме Петр Андреевич Белослудцев сообщает: «Я ошибочно назвал своего деда Николаем Андреевичем, в чем прошу простить меня» [Там же: Л. 9]. Нельзя не обратить внимание на то, что до этого он ошибался в имени деда неоднократно. Неверно он указывал не только отчество, но и имя деда, т. е. не связывал с ним отчество собственной матери (либо последнее не было ему известно), — и это после поездки к родственникам в Красново и общения с ними, к которым он апеллирует в письме.

Белослудцев не был самозванным внуком — он действительный потомок А. М. Коробицына: другие потомки последнего, оставшиеся в с. Красново, признавали Белослудцева и сохраняли с ним связь. Впрочем, казус с неверным именем-отчеством, кажется, мало повлиял на характер дальнейшей переписки — Белослудцев просто один раз написал, что ошибся. В очередном письме он уже пытается представить более подробную информацию о деде (на основании опроса родственников). Среди прочего он прямо говорит, что А. М. Коробицын умер в 1922 г. от тифа. До этого упоминание о том, что «дед пожил мало», могло создать ложное впечатление, что он стал жертвой антибольшевистского крестьянского (Западно-Сибирского) восстания, прокатившегося по с. Красново в 1921 г. и закончившегося гибелью многих коммунаров (стела их памяти к тому моменту уже была установлена в центре поселения).

В следующем письме Белослудцев уже не говорит о мемориальной доске, лишь сетуя на то, что могила его деда заброшена: «ни памятника ни столбика». Далее он поясняет:

Вот мы родственники и хотели-бы, что-бы добрая память осталась об организаторе коммуны Коробицыне Андрее Михайловиче и поставить ему доску-обелиск на том месте где он похоронен [Там же: Л. 10 об.].

Но когда Белослудцев получает официальный ответ из Государственного архива Тюменской области со ссылками на бумаги, подтверждающими членство его деда в коммуне и его вероятную руководящую роль [Там же: Л. 12], характер очередного письма потомка вновь меняется. Теперь речь вновь идет об установлении мемориальной доски в память об А. М. Коробицыне. При этом автор письма уточняет и желательное место (уже автономно от места захоронения):

³ Фамилия *Коробицын* довольно распространена в районе. Участники переписки периодически пишут ее в виде *Коробицин*.

Убитым в восстании в 1921 году поставлен памятник в селе Красново на площади у магазина, вот и ему, нашему деду, мы, родственники, хотели бы там же открыть мемориальную доску [Там же: Л. 15].

Сама биография деда, которую излагает Белослудцев, выглядит как встроенная в советский революционный канон («Он начал свою подпольную работу еще когда служил в армии в первую мировую войну, еще когда был приговорен к смертной казни, но помешала революция и, вернувшись из армии, мой дед стал строить на селе новую жизнь»), а проявление интереса к его фигуре — уже не как запрос исключительно родственников: «...даже в современной школе учителя спрашивают у стариков, кто же был первым организатором поднятия флага за коммуны в селе Красново» [Там же].

На этом борьба за установку памятного знака, к которой так стремится П. А. Белослудцев, не закончилась. В ходе последующей переписки выяснилось, что сам факт основания коммуны «Красная звезда» его дедом может быть подвергнут сомнению. Секретарь Исетского райкома КПСС тов. Л. Кубасова привела целый ряд данных о том, что основателем коммуны был другой человек — Яков Степанович Заворотчев. В целом эта версия была аргументирована гораздо более убедительно. Секретарь райкома апеллировала в числе прочего к экспертизе наиболее авторитетного местного краеведа — А. Л. Емельянова.

В задачу настоящей статьи не входит установление истинного основателя коммуны «Красная звезда». Важно только показать, что в определении этой фигуры были (и до сего дня остаются) существенные затруднения. Проблема здесь и в недостаточности источников, и в возможностях по-разному воспринимать саму категорию «основатель». Вероятно, упомянутый выше Я. С. Заворотчев активно претендовал на роль основателя (и вполне оправданно). В отличие от А. М. Коробицына, он пережил время Гражданской войны и еще долго имел возможность озвучивать свою версию событий. Например, в автобиографическом тексте, хранящемся в Исетском краеведческом музее [ИНКМ: 83–92]⁴, он напрямую утверждает: «20 марта 1920 года в с. Красново я организовал коммуну “Красная звезда”» [Там же: 84]. Любопытно, что в этом же тексте Заворотчев отдельно упоминает о деде П. А. Белослудцева: «Коробицын Андрей Михайлович был грамотным, он вел все дела в коммуне и записи» [Там же: 92]. Можно привести и примеры более публичных текстов, утверждающие о Я. С. Заворотчеве как основателе коммуны. Дополнительным косвенным подтверждением его роли служит указание на то, что во время восстания именно в нем «кулаки» видят главного противника, которого необходимо уничтожить. Так, в газетной заметке «Дорогой революции. Полвека с партией», посвященной одной из коммунарок «Красной звезды», Анне Семеновне Столбовой (ее отец был убит во время восстания)⁵, можно прочитать:

⁴ Возможно, цитируемый текст, созданный после 1954 г., написан не самим Я. С. Заворотчевым, а под его диктовку.

Здесь и далее при ссылках на данный архив указываются страницы по внутренней нумерации тетради; архивистом листы не пронумерованы.

⁵ Его имя в числе прочих высечено на стеле памяти погибших, появившейся позднее в центре села.

В дикой злобе метался по селу матерый кулак Макарка Сидоров.
— Всех коммунистов прирежем — кричал он — А Яшке Заворотчеву нос и уши отрежем, глаза выколем, по селу в таком виде проведем. Пусть знает сволочь, как нашу землю отбирать [МКСШ]⁶.

Аналогичным образом в «Слове Белослудцевой Екатерины Андреевны»⁷ после нескольких фраз о составе коммуны и о том, что организатором был ее отец, подробно описаны события восстания и расправы над коммунарами:

Мы сидели дома, к нам забежали Антон Васильевич и Сметанин Яков (красновские) закричали: «Где Коробицын?» его нет он уехал они тогда нам сказали: Если бы, он был не мы его прямо из комнаты не вывели приткнули, бы его прямо в доме. Раньше до этого они говорили восстание будет, тогда мы всю Коробицынскую семью в кадушках исквасим [Там же].

Несмотря на многочисленность убитых во время восстания коммунаров «Красной звезды», ни Я. С. Заворотчева, ни А. М. Коробицына среди жертв не оказалось. Их отсутствие в коммуне во время восстания, вероятно, спасло им жизнь. Заворотчев указывает в автобиографии: «...за два дня до восстания коммуна отправила меня на учебу в Ялуторовскую партшколу» [ИНКМ: 89]. Е. А. Белослудцева поясняет подробнее:

Отец работал в Ялуторовском земельном отделе. приехал в пятницу домой, а в субботу провел собрание, он говорил. «Ребята⁸ берегитесь. Вспышку ждем со дня на день, с часу на час. В воскресенье уехал на работу. В понедельник без него наступили бандиты, произошло восстание [МКСШ].

Стоит добавить, что и первого председателя коммуны «Красная звезда», Никандра Мироновича Белослудцева, в момент восстания также не оказалось дома — он уехал.

Таким образом, выявление личности основателя коммуны «Красная звезда», как и характер его отношения к восстанию, представляются довольно сложной (если вообще решаемой) задачей. До писем П. А. Белослудцева сотрудники партийной райорганизации скорее были склонны считать основателем коммуны Я. С. Заворотчева. Тем не менее, несмотря на то что Исетский райком в ответе Белослудцеву напрямую ссылался на некое письмо Заворотчева (хранящееся в бумагах парткомитета колхоза «Сибирь» и содержащее

⁶ Материалы этой россыпи не пронумерованы, потому цитируются без указания листов или страниц. Здесь цитируется газетная вырезка. Возможно, материал был опубликован в районной газете «Заря» в конце 1960-х — 1970-е годы; менее вероятна публикация в областном издании «Тюменская правда» в этот же период. К сожалению, точные выходные данные установить не удалось.

⁷ Она приходилась дочерью А. М. Коробицыну и теткой П. А. Белослудцеву. Текст этого документа, вероятно, был записан не собственноручно Белослудцевой, а школьниками (или школьным учителем), собравшими материалы о революционной истории села.

⁸ В документе кавычка не закрыта.

его версию создания коммуны), запрос внука погибшего коммунара на установление мемориальной доски хотели удовлетворить. Правда, был предложен компромиссный вариант текста, в котором речь шла бы о том, чтобы доска установлена «с именами восьми первых коммунаров сельскохозяйственной коммуны “Красная звезда”» [ГАСПИТО: Л. 16]. Одним из этих восьми имен должно было стать имя А. М. Коробицына. Секретарь райкома также обещала провести в Исетском краеведческом музее выставку, посвященную коммуне «Красная звезда».

Судя по всему, после этого переписка прерывается почти на год. Но 11 октября 1977 г. П. А. Белослудцев пишет в партийный районный комитет снова. Тон его письма ощутимо меняется. На этот раз он обрушивается с критикой на местные партийные органы, которые, по его словам, обещали заняться увековечением памяти его деда. Важен приближающийся юбилей революции: «В настоящее время ничего не делается, хотя до 60летия Октября осталось менее месяца» [Там же: Л. 19 об.]. О бездействии местных властей ему сообщают его тетки Анастасия Андреевна и Екатерина Андреевна, проживающие в с. Красново. Вероятно в преддверии юбилея революции очередное письмо возымело действие. Во всяком случае, меньше чем через месяц, а именно 2 ноября 1977 г., упомянутая выше секретарь Исетского райкома КПСС тов. Л. Кубасова отчиталась о выполненных работах [Там же: Л. 22]. Была приведена в порядок могила, на надгробии размещена надпись: «Здесь похоронен организатор коммуны “Красная звезда” Коробицын Андрей Михайлович». Отдельная мемориальная доска была установлена в центре села на здании правления колхоза. Экспозиция в Исетском краеведческом музее находилась, правда, еще в процессе подготовки. Зато, несмотря на первоначальные возражения секретаря райкома, текст на мемориальной доске выглядел довольно однозначно — на здании правления колхоза теперь можно было прочитать: «Колхоз “Сибирь” расположен на территории коммуны “Красная звезда”, организатором которой был Коробицын Андрей Михайлович». Оба мемориальных текста — и на доске в центре села, и на могиле деда П. А. Белослудцева — сохраняются в с. Красново в неизменном виде.

Мемориальная доска в пространстве с. Красново

В центре с. Красново сосредоточено несколько важных для повседневной жизни зданий — администрация, общеобразовательная школа, старейший местный магазин⁹. Тут же когда-то находилась церковь. Именно в этом центральном пространстве сегодня располагается ряд мемориальных объектов. Прежде всего это два монументальных памятных знака: первый — памятник советским солдатам Великой Отечественной войны, второй — высокая стела с именами погибших во время крестьянского восстания. Впрочем, прямого упоминания о восстании или первой коммуне на стеле нет, только надпись: «Вечная слава борцам революции». Зато о коммуне «Красная звезда» идет речь в тексте на доске, которая находится там же, где была размещена в 1977 г., — на бывшем здании правления колхоза «Сибирь». Правда, администрация пере-

⁹ Здесь и далее идет описание по состоянию на март 2020 г.

ехала в дом по соседству, а прежнее здание ремонтируют для размещения там жилых квартир¹⁰. Фотографии 1970-х годов позволяют реконструировать пространство, в которое первоначально была помещена мемориальная доска: на козырьке здания находилась большая вывеска с информацией о колхозе «Сибирь», вокруг нее — красочные агитационные плакаты [МКСШ]. Разумеется, нынешнее положение доски выглядит уже не так выигранно, как прежде.

Другая надпись, за установление которой боролся П. А. Белослудцев, размещена на небольшой могильной стеле собственно на месте захоронения А. М. Коробицына. Могила в ухоженном состоянии. Расположена она на заметном расстоянии от села (около двух километров), в небольшой роще, сохраненной посреди распаханного поля. В этом месте было похоронено несколько коммунаров, впрочем, на сегодняшний день следы далеко не всех захоронений сохранились. Помимо могилы А. М. Коробицына, имя сохранено только на одном захоронении — Игнатия Павловича Красилова (1892–1934).

На первый взгляд может показаться, что мемориальный ландшафт 1970-х остался совершенно без изменений. Но это не совсем так. И дело не только в новом статусе здания правления колхоза. Во-первых, сейчас в центральной части села более заметными по сравнению с памятной доской с информацией об основателе «Красной звезды» кажутся две другие, более новые. Обе размещены на здании Красновской общеобразовательной школы. Одна посвящена 130 детям, эвакуированным в село из Ленинграда во время блокады, вторая — учившемуся в школе Ю. С. Коробицыну, который в 2000 г. погиб в Чечне. Обе находятся явно в более «проходном» теперь месте, тексты на них более эмоционально окрашены. Первая надпись заканчивается словами «Низкий поклон жителям села от спасенных детей!», вторая — «Светлая память о тебе Юра живет в сердцах твоих земляков». Кроме того, и памятник советским солдатам, и стела борцам революции в некоторой степени изменили свой облик по сравнению с состоянием на конец 1970-х годов. Так, постамент первого теперь облицован красным кирпичом, из такого же кирпича сложены столбики небольшой ограды вокруг памятника. Стела борцам революции, напротив, стала выглядеть более аскетично — с ее верхней части исчезла красная пятиконечная звезда.

Нельзя не упомянуть еще об одном памятнике советского времени, который вовсе исчез из пространства села, — о памятнике Ленину. Несколько раз его переносили, в постперестроечный период он был утрачен, уже в 2000-е годы обнаружен и передан в Тюмень (см.: [zampolit 2017]).

Несколько интервью, записанных от жителей с. Красново, показали, что по вполне понятным хронологическим и биографическим причинам разговор о мемориальной доске «основателю коммуны» А. М. Коробицыну сразу переходит на разговор о стеле памяти погибших коммунаров. Но есть еще одна закономерность — переход от стелы к памятнику советским воинам и к теме Великой Отечественной войны в целом. Именно на разговор о войне и о памяти (или забвении) о ней респонденты переходили почти неизбежно.

Далее, опираясь на материалы интервью с тремя жителями Краснова, я попытаюсь показать некоторые особенности памяти/забвения событий, свя-

¹⁰ Сообщение руководителя администрации Красновского сельского поселения Николая Семеновича Белослудцева.

занных с началом учреждением коммуны и драмой крестьянского восстания в селе. Семьи всех трех респондентов имеют отчетливую связь с этими событиями. Первый — один из правнуков А. М. Коробицына и племянников П. А. Белослудцева [Инф. 1]. Второй — потомок другого участника коммуны «Красная звезда» [Инф. 2]. Третья респондентка — жена второго, приехала в 1964 г. в Красново как учительница, в дальнейшем принимала участие в организации ухода школьников за монументами и была одним из организаторов школьного музея [Инф. 3].

Все респонденты больше связаны с победившей стороной. То есть на первый взгляд вряд ли можно говорить о том, что передача памяти о Гражданской войне и создании коммуны была для близких этих респондентов затруднена в связи с ее фундаментальной противопоставленностью действовавшим в советское время общенациональным рамкам памяти. Может быть, местные жители окажутся гораздо более осведомлены о деталях этих событий, чем П. А. Белослудцев, который даже перепутал имя своего деда?

Правнук А. М. Коробицына [Инф. 1], с одной стороны, транслировал общее знание о роли своего предка в организации коммуны: «Как мы знали, что отец ее [бабушки] был первым организатором коммуны». О П. А. Белослудцеве он помнит прежде всего в контексте его приезда на открытие памятных знаков: «Я помню, что дядя Петя в 1970-е годы [приезжал], родственники съезжались». Более того, его представление об обстоятельствах смерти прадеда носит явно искаженный характер¹¹. Так, на вопрос о том, рассказывали ли ему что-то об этом, он отвечает: «Нет, что расстреляли — расстреляли. Похоронили. И все. А как, при каких обстоятельствах?» В целом его познания о жизни родственников из семьи прадеда выглядят крайне скудными («Все так оборвалось, и никаких связей»), и это при том, что саму могилу прадеда последние несколько десятков лет респондент и его жена регулярно приводят в порядок — с 1990-х годов, после того как это перестали делать школьники.

Возможно, наиболее ярким сюжетом о временах создания коммуны и Гражданской войны, который правнук «основателя коммуны» воспринял от родственников, стал сюжет, воспроизводившийся сестрой его бабушки, также дочерью А. М. Коробицына:

Она рассказывала, та бабушка-то <...> Как Колчак-от здесь. Восстание-то было. И их угоняли в Ялutorовск. <...> А вот почему — я все добиться не мог. Просто вот так, с расспросами [Инф. 1].

Вероятнее всего, речь в рассказе шла о периоде, когда территорию контролировала армия Колчака, хотя нельзя полностью исключить наложение нарративов о более поздних эпизодах, когда восставшие сгоняли и брали в плен

¹¹ Здесь можно предложить три вероятных варианта объяснения. Первый — что респондент реконструировал обстоятельства смерти прадеда, опираясь на общее знание о крестьянском восстании, а напрямую с ним об этом никто из родственников не говорил. Второй — что о смерти прадеда от тифа ему рассказывали, но позднее он забыл это или что-либо перепутал, опираясь на общие представления о восстании и убийстве коммунаров. Третий — что кто-то из старших родственников сознательно искажил информацию. О том, что родственникам было известно, что именно тиф послужил причиной смерти А. М. Коробицына, свидетельствуют письма П. А. Белослудцева «во власть».

коммунаров. Но как бы то ни было, в описании событий можно отметить два важных акцента: во-первых, на насилии и/или его угрозе; во-вторых, на невовлеченности местных жителей в акты насилия друг против друга:

Она только рассказывала нам, как их. Ну, как их — которые что к коммунарам-то. В Ялуторовск погнали. И плеткой еще, говорит, на меня какой-то еще замахнулся всадник-то. А не было такого, что кто-то богачей или единоличник на коммунаров-то. Такого-то в деревне не слышать [Инф. 1].

Характерно, что второй и третий респонденты излагают свою версию событий с теми же двумя акцентами, при том что к ведущей роли А. М. Коробицына в основании коммуны они скорее относятся скептически, отдавая предпочтение Я. С. Заворотчеву. Так, второй респондент, потомок одного из коммунаров, подчеркивает:

Как его фамилия... Коробицына вообще не вспоминали. Ни дедушка Василий, ни отец не вспоминал. <...> Что организовал [коммуну] — этого я не знаю. Коробицын. Его вклинили. А отец, дедушка Василий говорили — нет [Инф. 2].

Третья респондентка, бывшая школьная учительница, замечала:

А до этого-то [до установки памятной доски] к нам-то приезжал Заворотчев¹². И все говорили, что Заворотчев эту коммуноу-то организовал [Инф. 3].

Впрочем, сам вопрос об основателе коммуны ни для одного из респондентов не является ни действительно принципиальным, ни даже более-менее значимым. Об этом говорят скорее легко, иногда даже с иронией. Другое дело — когда заходит речь об обстоятельствах смерти коммунаров и о насилии во время восстания. Здесь, кажется, слова подбирать сложнее. Так, показательны следующие рассуждения третьей респондентки:

А Коробицын. Они [А. М. Коробицын и Я. С. Заворотчев], видишь как, были вместе. Работали-то. Только вот, когда вот это восстание, че у вас было, один-то уехал в Ялуторовск, а второй-то здесь был. И вот, когда вот этот-то переворот то был вот этот. То был тут именно Коробицын, вот здесь. А Заворотчев-то был в Ялуторовске. И вот поэтому-то вот, как бы он и является вот тут вот, вот этим-то. Организатором. Они оба как бы тут, и Коробицын, и Заворотчев. Они оба тут руководили. Но только что вот один-то был, когда вот это, убивали вот этих всех <...> Вот они-то на коммуноу и напали. А Заворотчев-то в это время уехал в Ялуторовск. По каким-то делам или как ли. Это не знаю, по какой причине. А Коробицын-то именно вот здесь вот в этом восстании-то участвовал [т. е. находился во вре-

¹² Речь шла, вероятно, о сыне Я. С. Заворотчева.

мя восстания против советской власти]. Поэтому ему вот и сделали [установили мемориальную доску] [Инф. 3].

Темп речи респондентки медленный, кажется, что она долго подбирает слова, чтобы упомянуть об убийствах. Характерно, что эти рассуждения появляются как отклик на вопрос о причинах большего внимания к А. М. Коробицыну, чем к Я. С. Заворотчеву. Выходит, что информантка апеллирует к его присутствию в Красново во время столкновений и насилия. Здесь в беседу включается второй информант — он дополняет рассуждения репликой, которая указывает на неместное происхождение убийц: «Но это приезжал из Лобаново бандит-то, бандит-то» [Инф. 2]. Респондентка подтверждает его правоту: «Да, да. Вот они-то на коммуну и напали» [Инф. 3].

Уходя от обсуждения причастности местного населения к насилию во время восстания, все три респондента при прямых вопросах все же не отрицали, что жители села по-разному относились к новой власти и коммунарам. Третья респондентка вспоминает в том числе недавно почившую ровесницу, которая вслух критиковала коммунаров:

Она всегда против. Она прям так яро. Гаева-то. Прям это, знаешь, так настроена была, что против коммунаров [Инф. 3].

Есть у всех респондентов и представление о причинах нелюбви к коммунарам части сельчан (хотя, разумеется, хронология здесь может существенно расширяться и включать более позднее время — период коллективизации):

Хорошо жили. А коммунаровские-то, они че — все свели. Там бедняки были в основном-то. Но она [соседка] говорит там про какую-то женщину: «Вот пришла, и в моем платке». Понимаешь. И вот это вот ее, что у них забирали, а этим отдавали что, коммунарам. <...> Ну, у этих зажиточных-то забрали вот такие вещи которые. А этим-то коммунарам-то отдавали. Они оденутся. А эти-то видят [Инф. 3].

Правнук А. М. Коробицына и вовсе начинает разговор о том, что не ведется речи о погибших во время Гражданской войны противниках советской власти:

И видите, какое время было, я говорю, ну, восстание было колчаковское пускай здесь. А где белогвардейцы-то схоронены у нас? Тоже вопрос остался открытым [Инф. 1].

В целом все три респондента в общем ключе описывают и ситуацию с установкой памятных объектов с упоминанием А. М. Коробицына — как некое внешнее, принятое где-то вне с. Красново решение, причины которого не вполне ясны. Характерно, что и племянник П. А. Белослудцева считает ровно так же:

С нашей-то стороны, с родственной, ничего не было. Все сверху было. Района или [откуда-то еще] [Инф. 1].

А сам приезд родственников во время установки памятных знаков предстает как нечто экстраординарное, за чем последовало забвение:

Один то раз, когда памятник открывали, они и съезжались сюда. Когда памятник-то вот этот, обелиск-то, ставили и доску-то на правление колхоза прибывали. Устанавливали. Вот они и съезжались. Сами знаете, было советское все, КПСС, все у нас было. Все как-то посчитали, а потом забылось [Инф. 1].

Обосновывающая история и локальное забвение

Не секрет, что память всегда неизбежно связана с забвением. Но, как отметила А. Ассман, память и забвение не только не являются противоположностями, но вполне «целесообразно изучать промежуточное пространство между ними, а также формы их скрещивания и пересечения» [Ассман 2019: 17]. Как я полагаю, рассмотренный выше кейс, связанный с установкой и бытованием в с. Красново памятной доски коммунару времен Гражданской войны А. М. Корибицыну, позволяет наблюдать как раз то самое промежуточное, переходное состояние между памятью и забвением. И интересен этот кейс (несмотря на некоторую свою курьезность) еще и тем, что дает возможность говорить об особенностях существования в позднесоветском обществе режима памяти о событиях Гражданской войны в условиях локальных сельских сообществ. При чем то, что разговор идет об условном забвении «наследников победителей», кажется еще более примечательным.

Речь идет о памяти и забвении со стороны третьего — четвертого поколений по прошествии 50–100 лет после событий, т. е. в то время, на которое, по А. Ассман, приходится грань исчезновения социальной памяти [Ассман 2014: 22–25]. Но можно было бы предположить, что в условиях существования специальных мемориальных объектов и на первый взгляд вполне благоприятных социальных рамок памяти для этого прошлого (см.: [Хальбвакс 2005; 2007]) забвение фактов жизни одного из коммунаров «Красной звезды» могло бы происходить не так стремительно, как, судя по всему, оно происходило в последние полвека. А оно происходило, кажется, не менее стремительно, чем забвение о событиях крестьянских восстаний конца Гражданской войны во многих других местах¹³.

Полагаю, что можно говорить о двух существенных факторах, способствующих подобному забвению. При этом я вовсе не утверждаю, что эти два фактора являются единственными или даже наиболее важными, только лишь то, что они играют заметную роль в рассмотренном кейсе.

Первый — это стремление сгладить напряжение внутри локального сообщества, где грань Гражданской войны часто проходила не только между деревнями (ср. приведенное выше высказывание респондента «из Лобаново бандит-то»), но и внутри деревень. Показательно, что в свидетельствах 1970-х годов можно найти прямые указания на участие жителей Красново в борьбе

¹³ Общие наблюдения на этот счет см. в обзорной статье по материалам полевого исследования памяти о Западно-Сибирском и Тамбовском восстаниях 2018 г.: [Кравченко и др. б. д.].

с коммунарами (например, в процитированном выше «Слове Екатерины Андреевны Белослудцевой»). Три респондента, интервью с которыми рассматривались выше, напротив, не только не стремятся указать на участие в насилии жителей своего села, но и сдвигают акцент в сторону насилия именно со стороны пришлых. Разумеется, нельзя быть в полной мере уверенным, делается ли это потому, что респонденты воспроизводят знакомый им нарратив, либо потому, что они хотят сгладить прошлый насильственный конфликт внутри села, несмотря на то что слышали и что-то знают о нем. К тому же можно предположить то, что между этими двумя вариантами есть немало полутонов. Как бы то ни было, такая стратегия переноса прямого источника насилия вовне может обеспечивать то целительное забвение, которое должно позволить избежать роста напряжения между местными.

При этом, правда, память о самом факте насилия и о его важности оказывается тем, что, напротив, в наименьшей степени подвергается забвению. Неслучайным кажется и утверждение третьей респондентки, согласно которому А. М. Коробицын был удостоен памятной доски в центре села потому, что из основателей коммуны именно он погиб во время восстания (хотя, как мы знаем, это было не так).

Второй фактор, который я выделяю, в большей степени позволит понять проявляющийся в переписке П. А. Белослудцева слабый интерес к биографическим деталям жизни своего деда, при том что сам процесс создания памятных объектов в публичном пространстве кажется ему крайне важным. Чтобы описать этот фактор, понадобится небольшое теоретическое отступление.

Забвение событий сельчанами, причина которого заключается в стремлении купировать возможное обострение отношений внутри локального сообщества, легко уложить в классификацию, которую предлагает А. Ассман, и отнести к «охранительному или совиновному забвению» [Ассман 2009: 48–51]. Сложнее с тем специфическим забвением, которое возникает у П. А. Белослудцева. Можно, конечно, опираясь на классификацию Ассман, говорить о том, что это результат *domnatio memoriae* («карающего и репрессивного забвения») [Ассман 2019: 44–48]. Но это скорее уведет от понимания специфики кейса. Ведь тогда проблематизируется прежде всего влияние на память эпохи 1920–1940-х годов, когда в советском обществе становится распространенным и типичным «карающее забвение», вызванное активным вторжением со стороны советского государства в практики самоописания, их проектирование вплоть до форм насилия, предопределяющих памятование в постреволюционном обществе. В разговоре о подобном забвении приходят на ум образы Дж. Оруэлла, описывавшего практики тоталитарного государства, которое стремится отнять прошлое у граждан («История остановилась. Нет ничего, кроме нескончаемого настоящего, где партия всегда права»¹⁴). Но ведь переписка П. А. Белослудцева разворачивается в 1970-е годы — было бы большим упрощением схематизировать ее, объединяя со схематизированной же сталинской эпохой. К тому же остается слишком много неясного. Почему становится возможным такое активное и даже агрессивное памятование со стороны П. А. Белослудцева, который оказывает давление на местные партийно-госу-

¹⁴ Пер. В. П. Гольшова.

дарственные структуры? Почему, если он стремится восстановить память о своем деде, он так мало интересуется им самим, его историей и не запоминает его имя-отчество?

Многое в рассмотренном кейсе может быть высвечено, если попытаться апеллировать к концепции Пьера Нора о местах памяти (*lieux de mémoire*). Действительно, тот контекст, который Нора описывает как предпосылку возникновения мест памяти, очень напоминает ситуацию с Белослудцевым. «Вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков, под влиянием глубинного исторического чувства. (...) О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [Нора 1999: 17]. Именно в таких условиях и возникают места памяти — там память находит свое убежище. Ведь они «существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [Там же]. Тем более что Нора делает акцент на той «невосполнимой потере, заключающейся в исчезновении крестьянства, являвшегося по преимуществу коллективной памятью» [Там же: 18]. А места, где процесс исчезновения крестьянства происходил более драматично, чем в СССР, найти непросто. Значит, и разрыв между исчезающим миром крестьянства и новым городским миром в СССР был колоссальным.

И все-таки концепция мест памяти, кажется, не позволяет дать ответ на вопрос о странном сочетании у П. А. Белослудцева вовлеченности, интереса к увековечиванию памяти деда с безразличием к деталям жизни предка. К тому же речь шла о событиях, которые произошли меньше чем за пятьдесят лет до его писем и чуть более чем за десять лет до его рождения.

Мне кажется продуктивным соотнести рассмотренный кейс с теми размышлениями о характере и природе памяти, которые приводил Я. Ассман в «Культурной памяти». Исследователь обращает внимание на важность обосновывающей истории (того, что связано с истоком, происхождением) в жизни общества [Ассман 2004: 82]. По Ассману, в отличие от коммуникативной памяти, основанной на воспоминаниях, «которые связаны с недавним прошлым» [Там же: 52], обосновывающая история в большей степени связана с памятью культурной. При этом коммуникативная память обычно исчерпывается рамками 80 лет до настоящего момента, а в 40 лет после событий наступает «критический порог» [Там же: 53] и происходит активная передача памяти о событиях. Обосновывающая же история для Я. Ассмана есть миф, в том смысле, что это «история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Там же: 55]. При этом существенно, что обосновывающая история может быть направлена, по Ассману, как во время оно (ср. *in illo tempore*), т. е. в абсолютное прошлое, так и собственно в историческое время. Например, мифология древнего Израиля задействовала не космический, а исторический миф; таким образом, по Я. Ассману, древний Израиль «осознает свое историческое становление» [Там же: 82].

Вполне понятно, что обосновывающая история советского общества находилась в эпохе Октябрьской революции либо революции и Гражданской войны. Она, без всякого сомнения, помещена в историческое время. Само по себе, разумеется, для современных обществ это не является чем-то необычным. Но есть одна черта, которая встречается не так часто: обосновывающая история не только сформировалась в советском обществе сразу после (или даже в про-

цессе) революции и Гражданской войны, но и последовательно и системно структурировала представления о мире и себе для советских граждан на протяжении почти семи десятилетий. Обосновывающая история (связанная прежде всего с предписаниями культурной памяти, которые были сформулированы, вероятно, к 1930-м годам¹⁵) блокировала коммуникативную память и преобладала над ней. Рубеж 40–50 лет по прошествии событий этой эпохи (когда в других ситуациях нередко начинается активное воспоминание о событиях представителями старших поколений) пришелся на момент, когда не только споры, но и вообще бытовые или излишне частные воспоминания о ней были крайне затруднены и неуместны¹⁶.

Таким образом, говоря о втором факторе забвения в рассматриваемом кейсе, я бы описал его характер следующим образом. Ситуация 1970-х годов была ситуацией абсолютного преобладания рассказа об эпохе революции как обосновывающей истории, истории мифической по своим функциям и сакральной по представлению; в таких условиях любые частные компоненты коммуникативной памяти, детали биографии и пр. на общественном уровне были или не слишком важны, или даже вредны. По сути, обосновывающая история, возникшая на материале событий относительно недавнего прошлого, не только делает глубоко второстепенной коммуникативную память, но и способствует забвению деталей — просто потому, что они не существенны для «объяснения настоящего».

Если взглянуть на это с такой точки зрения, поведение Белослудцева не кажется столь уж аномальным. Он не помнит имени своего деда и мало (скорее вынужденно) интересуется деталями его биографии, не собирает свидетельства о нем, потому что знает о предке главное — его форму сопричастности той обосновывающей истории, тому мифу основания, который действительно важен. Таким образом, революционный миф фактически способен уничтожать не только детали личной коммуникативной памяти, противоречащие ему, но и в принципе — любые частные, не важные для основного его утверждения детали, даже в случае, когда личные воспоминания сами по себе не вступали в противоречие с революционной историей основания. В этих условиях коммуникативная память оказывалась просто лишней — рано созданная история основания и сопровождавшие его ритуальные формы воспоминания о революционной эпохе стремились вытеснить любую форму коммуникативной памяти, не вписанную в канон (в том числе и вполне «просоветскую» память).

Мощные механики замалчивания прошлого в советском обществе, обусловленные давлением идеологической конъюнктуры в послереволюционные десятилетия, не раз становились объектом изучения (см., например: [Лейбович 2019]). То же можно сказать и о внимании исследователей к преградам для передачи коммуникативной памяти о советском прошлом между представителями разных поколений (см., например: [Омельченко, Андреева 2017]). Но ситуация, когда память, находящаяся в пределах общесоветских идеологических рамок, оказывается объектом стремительного забвения, мало изучена. Именно подобное забвение локальных деталей, не только не противоречащих, но нахо-

¹⁵ Выход «Краткого курса истории ВКП(б)», оформление соцреализма и пр.

¹⁶ Ср. с ситуацией «спора историков» в Германии или с проблематизацией событий Великой Отечественной во время перестройки и в начале 1990-х годов.

дящихся в самом центре национального мифа, кажется наиболее интересной чертой рассматриваемой выше истории. И хотя речь идет лишь об отдельном примере, но локальный кейс позволяет поставить вопросы: не являлась ли подобная форма забвения распространенной в советском обществе? А если это так, где искать предпосылки и причины такого забвения?

После советского

Преращение восприятия эпохи революции как обосновывающей истории на общенациональном уровне, наступившее в постсоветскую эпоху, не способствовало всплеску нового памятования о событиях в с. Красново. Вымывая пласт культурной памяти о революции как потерявший значимость, постсоветская эпоха не принесла в рассматриваемое село и существенного ренессанса коммуникативной памяти о Гражданской войне. А последние свидетели эпохи были уже в весьма солидном возрасте. Но главное — не было ясно, зачем об этом говорить. Первый из обозначенных выше факторов забвения (стремление сгладить напряжение внутри локального сообщества), вероятно, не потерял еще свою значимость. Какой-либо культурной или законодательной инфраструктуры для вспоминания также не появилось. Отсутствие художественного произведения, способного закрепиться в каноне и тем самым ввести события Западно-Сибирского восстания в ранг событий, значимых для общенациональной культурной памяти, возможно, ощущал уже П. А. Белослудцев. Неслучайно в одном из писем он настойчиво апеллировал именно к советскому литературному канону: «...обстановка в Сибирской деревне связывается с обстановкой на Дону, когда читаешь “Тихий Дон” Шолохова» [ГАСПИТО: Л. 10]. Но Западно-Сибирское восстание так и не получило отражения в общенациональном каноне ни в советскую, ни в постсоветскую эпоху. А значит, забвение в с. Красново получило возможность и дальше сглаживать молчанием следы от ран прошлого почти столетней давности. Только таблички и обелиски остались осколками все менее понятной и все более далекой эпохи.

Источники

Архивные

ГАСПИТО — Материалы об увековечении памяти героев Гражданской войны на территории Тюменской области (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 138).

ИНКМ — Исетский народный краеведческий музей им. А. Л. Емельянова (подразделение автономного учреждения «Культура и молодежная политика Исетского муниципального района»).

МКСШ — Музей Красновской средней школы. Материалы архивной россыпи (Красновская СОШ).

Сетевые

zampolit 2017 — *zampolit*. Ленин из села Красново в лесу у Пышмы // PUTI-shestvuy. 2017. 1 авг. URL: <http://safe-rgs.ru/3495-lenin-iz-sela-krasново-v-lesu-u-pyshmy.html>.

Информанты

- Инф. 1 — муж., правнук А. М. Коробицына, племянник П. А. Белослудцева, житель с. Красново.
- Инф. 2 — муж., потомок одного из членов коммуны «Красная звезда», житель с. Красново, пенсионер.
- Инф. 3 — жен., супруга Инф. 2, приехала в с. Красново в 1964 г., работала учительницей, одна из организаторов школьного музея, пенсионерка.

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Ассман 2019 — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Кравченко и др. б. д. — *Кравченко А. В., Склез В. М., Соколова А. Д.* Память о Западно-Сибирском и Тамбовском восстаниях в современной России // После бунта: память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях. URL: <http://warandpeasant.ru/dossier/7>.
- Лейбович 2019 — *Лейбович О. В.* «Теперь не время помнить...» Большевикизация исторической памяти в 1920–1930-е годы // *Технологос*. 2019. № 3. С. 38–46.
- Нора 1999 — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция-память / Пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Омельченко, Андреева 2017 — *Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В.* Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // *Социологические исследования*. 2017. № 11. С. 147–156.
- Хальбвакс 2005 — *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / Пер. с фр. // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. М.: Нов. изд-во, 2007.

References

- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Beck]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Trans. from Assmann, A. (2016). *Formen des Vergessens*. Wallstein Verlag]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck]. *Iazyki slavianskoi kul'tury*. (In Russian).
- Khal'bvaks, M. (2005). *Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat'* [Trans. from Halbwachs, M. (1997). *La mémoire collective*. Albin Michel]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005(2–3(40–41)), 8–27. (In Russian).
- Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamiati* [Trans. from Halbwachs, M. (1994). *Les cadres sociaux de la mémoire*. Albin Michel]. *Novoe izdatel'stvo*. (In Russian).
- Kravchenko, A. V., Sklez, V. M., & Sokolova, A. D. (n. d.). *Pamiat' o Zapadno-Sibirskom i Tambovskom vosstaniakh v sovremennoi Rossii* [Memory of the West Siberian and Tambov uprisings in modern Russia]. In *Posle bunta: pamiat' o Tambovskom i Zapadno-Sibirskom vosstaniakh*. <http://warandpeasant.ru/dossier/7>. (In Russian).

- Leibovich, O. V. (2019). “Teper’ ne vremia pomnit’...” Bol’shevizatsiia istoricheskoi pamiati v 1920–1930-e gody [“Now is not the time to remember...” Bolshevization of historical memory in the 1920s–1930s]. *Tekhnologos*, 2019(3), 38–46. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Mezhdru pamiat’iu i istoriei. Problematika mest pamiati [Trans. from Nora, P. (1986). Les lieux de mémoire. Gallimard]. In P. Nora et al. *Frantsiia-pamiat’* (pp. 17–50). Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Omelchenko, E. L., & Andreeva, Iu. V. (2017). Chto ostaetsia v semeinoi istorii: pamiat’ o sovetskom skvoz’ razgovor trekh pokolenii [What remains in family history: Memory of the Soviet through the conversation of three generations]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2017(11), 147–156. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Артём Владимирович Кравченко

МА

*стажер-исследователь, отдел русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а*

Тел.: +7 (495) 938-17-93

старший преподаватель, исторический факультет, Московская высшая школа социальных и экономических наук

Россия, 119571, Москва, пр-т

Вернадского, д. 82

Тел.: +7 (495) 564-85-82

✉ artemioskravchenko@gmail.com

Artem V. Kravchenko

MA (Public History)

*Researcher, Russian Department, Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a*

Tel.: +7 (495) 938-17-93

Senior Lecturer, History Department, Moscow School of Social and Economic Sciences

Russia, 119571, Moscow, Prospekt

Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (495) 564-85-82

✉ artemioskravchenko@gmail.com